

РОЛЬ КОМПЛЕКСНЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ И МЕТОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ АНТИНОМИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Е. Н. Ковязина

Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Пермь, Россия

Статья посвящена вербальной репрезентации антиномичных концептов в политическом дискурсе. В исследовании были идентифицированы сложные конструкции на основе метафор и метонимий, участвующие в вербальном воплощении политических концептов. Концепт «мировой порядок» вербализуется посредством метонимических цепей, конструирующих определенные модели мирового порядка. Концепт «чрезвычайное положение» обретает вербальное воплощение за счет метафтонимий различных типов.

Ключевые слова: *метонимическая цепь, метафтонимия, политический дискурс.*

В настоящее время особый исследовательский интерес у лингвистов, работающих в рамках когнитивной парадигмы в науке о языке, вызывают комплексные конструкции на основе метафоры и метонимии. К ним относятся метафорические и метонимические кластеры и цепи, расширенные метафоры и метонимии, а также метафтонимии. В научной литературе наибольшее количество работ посвящено метонимическим цепям, метафтонимиям и метафорическим кластерам.

Метонимические цепи на сегодняшний день являются самым исследованным феноменом среди других комплексных конструкций. Метонимическая цепь — «это серия метонимических пересечений, стоящих за семантическим сдвигом, который имеет место в процессе вербального воплощения концептов» [6]. Изучение метонимических цепей восходит к работам М. Reddy, который рассматривал их в синхроническом аспекте [15]. В. Nerlich и D. Clarke исследовали метонимические цепи в аспекте диахронии [13]. Примечательны труды М. Hilpert: так, в работе «Chained Metonymies in Lexicon and Grammar» он показывает, что в основе вербализации концепта *idea* в предложении «Bob gave an interesting paper» лежит серия метонимических пересечений *material* → *writing* → *ideas*, то есть «...a chained metonymy in which paper stands for the writing on it which in turn stands for the expressed ideas» [10. С. 77]. Кроме того, в трудах этого автора установлена роль метонимических цепей в формировании современного значения концепта «барбекю». Данный автор указывает на особую роль корпусных методов, позволяющих преодолеть

нехватку эмпирического материала, связанного с изучением метонимических цепей в дискурсах различных типов.

Метафорические кластеры были исследованы с применением методов корпусной лингвистики. Так, L. J. Cameron и H. Stelma внесли вклад в разработку методов идентификации метафорических кластеров (кумулятивные и частотные графики, статистический анализ) [7. P. 124]. V. Koller, пользуясь корпусной методикой, проанализировала метафорические кластеры в деловом медийном дискурсе и определила их природу как полифункциональную и многоуровневую [12. P. 128]. В исследовании V. Figar и M. Antovic, выполненном по методу Cameron и Stelma, анализируются метафорические кластеры в политическом медийном дискурсе [8. P. 233].

Метафтонимии получили освещение в трудах L. Goossens и Ch. Denroche. Метафтонимия — это единство метафоры и метонимии на концептуальном уровне [9. P. 350]. L. Goossens выделяет следующие типы метафтонимий: 1) интегрированный (метонимия в метафоре и метафора в метонимии) и 2) кумулятивный (метафора от метонимии и метонимия от метафоры). L. Goossens поднимает вопрос об отношениях субординации, существующих в концептуальном союзе метафоры и метонимии: выражения «метафора в метонимии» или «метонимия в метафоре» означают, что в союзе метафоры и метонимии один участник занимает более высокую позицию, чем второй. Ch. Denroche настаивает на необходимости изучать интеграцию метафоры и метонимии не только на уровне предло-

жения, как это делает L. Goussance, но и на уровне всего текста и даже нескольких текстов и вводит понятие «текстовая метафтонимия» [6. Р. 1]. Он указывает на наличие чрезвычайно малого количества исследований метафтонимий именно на уровне текста. Исследуя «метафору в метонимии», то есть разновидность интегрированной текстовой метафтонимии, Ch. Denroche обращается к поэтическому дискурсу. В поэме P. Larkin «The Witsun Weddings» метонимический кластер используется для вербализации ряда контекстов: «парк», «люди, которых можно встретить в парке в течение дня», «занятия этих людей», «офис» — и образует фрейм, внутрь которого встраиваются локальные метафоры. Например: *hare-eyed clerks with the jitters and wax-fleshed outpatients still vague from accidents*. В данном примере члены метонимического кластера *clerks* и *outpatients* являются метонимией «Часть (*clerks and outpatients*) → Целое (люди, гуляющие в парке в течение дня)». Метафоры *hare* и *wax*, используемые для описания глаз и тела, являются подчиненными в данном кластере, встраиваясь в общую структуру, заданную метонимическим кластером.

Среди исследований российских ученых, изучавших проблему взаимодействия метафоры и метонимии, внимания заслуживают труды Е. В. Падучевой. Е. В. Падучева утверждает, что «метафора часто возникает как следствие метонимии: метонимия чревата метафорой, поскольку при переносе фокуса внимания на смежный объект на месте согласованной категории оказывается несогласованная» [1. С. 194]. Так, Е. В. Падучева считает, что в примерах «левой рукой он сжимал хрустящую бумажку» и «левая рука его сжимала хрустящую бумажку» именно метонимический сдвиг мотивирует сдвиг категориальный, то есть метонимия вызывает образное отождествление [Там же. С. 175]. Е. В. Падучева вела свои исследования на русскоязычном материале. На материале английского языка в дискурсах различных типов метафтонимию анализировали О. С. Шарманова, Е. А. Трунина, С. Л. Мишланова, Д. О. Ремянникова. Вызывает интерес работа О. С. Шармановой, посвященная метафтонимии в медийном немецкоязычном дискурсе. В данном труде показана роль метафтонимий в вербализации концепта «грузино-российский конфликт 2008 года» [4]. Е. А. Трунина рассматривает метафтонимию как «концептуальную единицу, с помощью которой концептуализируют-

ся сложные элементы действительности, понимаемые во взаимосвязи художественного дискурса и дискурса реального мира» [3]. Д. О. Ремянникова и С. Л. Мишланова в своей статье рассматривают «когнитивно-семантические характеристики метафоры, метонимии и их концептуального смешения» [2. С. 274].

Актуальность нашей работы заключается в том, что она проводится на материале политической публицистики в политическом дискурсе. Более ранние исследования комплексных метафорических и метонимических конструкций проводились на материале медийного политического дискурса. Материалом послужили произведения Г. Киссинджера «World Order» и П. Бьюкенена «State of Emergency». Цель — проанализировать участие комплексных метафорических и метонимических конструкций в вербализации антиномичных политических концептов «мировой порядок» и «чрезвычайное положение». В своем исследовании мы пытаемся найти ответы на следующие вопросы: 1) На каком основании можно считать эти концепты антиномичными? 2) Какие сложные конструкции и в каком количестве задействованы в вербальной репрезентации политических концептов «мировой порядок» и «чрезвычайное положение»? Мы выдвигаем следующую гипотезу: антиномичные политические концепты концептуализируются при помощи разных и отличных друг от друга форм комплексного метафорического и метонимического мышления. В исследовании применяются следующие методы: метафорическое и метонимическое моделирование, компонентный, семантический, концептуальный и дефиниционный анализ.

Дефиниционный и компонентный виды анализа концептов «мировой порядок» и «чрезвычайное положение» показали, что они являются антиномичными. Антиномичность их обусловлена тем, что они находятся в отношениях концептуальной оппозиции или понятийной противопоставленности. Рассмотрим определения этих концептов, данные в слове. Order — a state in which everything is in its correct or appropriate place; a state in which the laws and rules regulating public behavior are observed and authority is obeyed [14]. Emergency — a serious, unexpected, and often dangerous situation requiring immediate action; a person with a medical condition requiring immediate treatment [Ibid.]. В значении первого концепта можно идентифицировать такие семантические компоненты, как «соответствие нор-

мам и правилам», «правильность», а в семантике второго — «нарушение норм и правил», «угроза существующему порядку», «хаос». Следовательно, можно говорить о том, что эти концепты актуализируют оппозицию «хаос — порядок».

А теперь перейдем к рассмотрению сложных конструкций на основе метафоры и метонимии, участвующих в вербальном воплощении данных концептов. Исследуя комплексные конструкции с участием метафор и метонимий, мы обнаружили, что в вербальной репрезентации концепта «мировой порядок» активно задействуются метонимические цепи. Все обнаруженные нами метонимические цепи репрезентируют определенную национально окрашенную модель мирового порядка. Можно выделить европейскую, российскую, китайскую, арабскую, североамериканскую модели мирового порядка. Остановимся на европейской модели. Рассмотрим такой пример:

Unlike other landmark agreements such as the Congress of Vienna in 1814—15 or the Treaty of Versailles in 1919, the Peace of Westphalia did not emerge from a single conference and the setting was not one generally associated with a gathering of statesmen pondering transcendent questions of world order [11. P. 78].

Представим перевод этого контекста на русский язык: «В отличие от прочих земельных соглашений — Венского конгресса (1814—1815) и Версальского договора (1919) — Вестфальский мир не был итогом одной встречи и не был заключен в обстановке, типичной для собрания государственных деятелей, размышляющих о трансцендентных вопросах мирового порядка» (*пер. Е. К.*). В данном контексте представлены три модели мирового порядка в его европейской интерпретации, и каждая репрезентируется метонимической цепью. Рассмотрим три метонимические цепи, смоделированные для каждой из трех версий мирового порядка:

**Метонимические цепи,
репрезентирующие концепт
«мировой порядок»**

Модель 1

Westphalian Peace → Westphalian Treaty → Westphalian System → Westphalian Concept → World Order

Модель 2

The Congress of Vienna → Vienna Treaties → Vienna System → World Order

Модель 3

The Versailles Peace → The Treaty of Versailles → The Versailles Settlement → World Order

Перед нами три метонимические цепи, в которых каждый последующий элемент репрезентирует предыдущий. Таким образом, концепт «мировой порядок» вербализуется посредством горизонтальных метонимических цепей, реализуясь в моделях, имеющих национально-специфическую окраску. Если на дискурсивном уровне мы наблюдаем ряды метонимических цепей, то на уровне социальном мы видим попытку упорядочить мир на геополитическом уровне, выстроить архитектуру мирового порядка сообразно определенной национально-культурной модели.

А сейчас рассмотрим вербализацию концепта «чрезвычайное положение», а именно ту роль, которую играют в ней комплексные конструкции на основе метафор и метонимий. Методом сплошной выборки мы обнаружили 15 контекстов, содержащих метафониими, вербализующие данный контекст. Рассмотрим следующий пример:

Economism... eventually turns everything into a commodity to be marketed at a profit. This necessarily presupposes that nothing is sacred. Driven by a craving for maximum return at lowest cost economites relentlessly dispense with any loyalty, consideration and any other restraint. If cheaper workers or suppliers appear, the existing ones are summarily dropped. Advertisers pillage music for tunes to be converted to singles. Animals are reduced to protein factories put here for our use [5. P. 76].

Приведем перевод данного контекста на русский язык: «Экономизм стремится все превратить в товар, который можно купить, продать и получить за него прибыль. Для него нет ничего святого. Движимые желанием получить максимальную прибыль с минимальными затратами, экономисты яростно расправляются со всем, что им препятствует, будь то лояльность, забота о людях и т. д. При появлении новых, более дешевых рабочих и поставщиков они немедленно разрывают отношения со старыми. Создатели рекламных роликов крадут чужую музыку и используют ее в своих целях. Животные низводятся до уровня фабрик по производству протеина для нужд людей». В данном примере можно идентифицировать метафониимию «Чрезвычайное положение как экономизм». Концепт «чрезвычайное положение» вербализуется здесь при помощи метафониими,

которая представляет собой пример метафтонимии типа «метонимия в метафоре» (по типологии L. Goussance). Доминирует здесь метафорический компонент «Всё есть Товар»: именно он мотивирует появление метонимической цепи, все компоненты которой — *loyalty, consideration, worker, suppliers, music, animals* — вербализуют концепт «объекты купли-продажи». Данная метафтонимия формирует представление о чрезвычайном положении как об экономизме, гипертрофия которого разрушает мировой порядок, построенный на традиционной системе ценностей.

Ниже мы приводим таблицу, которая демонстрирует все идентифицированные нами метафтонимии, вербализующие концепт «чрезвычайное положение»:

Таблица показывает разнообразные типы метафтонимий, которые участвуют в вербальной репрезентации концепта «чрезвычайное положение»: самым распространенным типом является «метонимия в метафоре». Встречаются также случаи, когда один и тот же вариант вербальной репрезентации воплощается при помощи разных типов метафтонимии.

Таким образом, можно сказать, что наша гипотеза оказалась верна: оба концепта, содержанием которых продиктована их антиномичность по отношению друг к другу, концептуализируются посредством разных комплексных конструкций на основе метафор и метонимий, которые

оказались весьма продуктивными в вербальном воплощении абстрактных политических концептов. Горизонтальные метонимические цепи вербализуют концепт «мировой порядок», формируя определенные модели миропорядка, имеющие национально-специфическую окраску, — так, можно идентифицировать европейскую, арабскую, американскую, китайскую и другие модели мирового порядка. Метафтонимии участвуют в вербальной репрезентации второго концепта. Метафтонимии представляют собой сложные вертикальные структуры, где есть доминирующий и подчиненный члены. В нашем исследовании именно метафора зачастую оказывается в доминирующем положении, образуя фрейм и мотивируя появление других компонентов внутри этого концептуального единства. Выделяются и другие типы метафтонимий: «метонимия в метафоре», «метафора в метонимии», «метонимия, метафора в метафоре» и т. д. Концепт «мировой порядок» репрезентирует прошлое мира с его попыткой выстроить геополитическую архитектуру мирового порядка, а концепт «чрезвычайное положение» представляет будущее мира, вынужденного отвечать на вызов, брошенный экономическими проблемами. Тот факт, что более простые структуры (метонимические цепи) концептуализируют прошлое мира, а более сложные конструкции (метафтонимии) вербализуют будущее мира, иллюстрирует динамические процессы, происходящие внутри дискурса.

Варианты вербализации концепта «чрезвычайное положение»

Вариант вербализации	Тип метафтонимий
Экономизм	Метонимия в метафоре
Поток иммигрантов	Метонимия в метафоре
Расовая дискриминация по отношению к белым	Метафора в метонимии
	Метонимия в метафоре
Трайбализм	Метонимия в метафоре
Смерть Запада	Метонимия, метафора в метафоре
Болезни	Метонимия, метафора в метафоре
	Метафора в метонимии
Этнический мазохизм	Метонимия в метафоре
Фаталистический паралич	Метонимия в метафоре
Идеология самоубийства	Метонимия, метафора в метафоре
Либеральная идеология	Метафора, метонимия в метафоре
Свободное пересечение границ	Метонимия в метафоре

Список литературы

1. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Ремянникова Д. О., Мишланова С. Л. Концептуальное смешение метафоры и метонимии // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур: сб. ст. молодых ученых. Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 274—279.
3. Трунина Е. А. Метафтонимия как средство отражения ценностных смыслов в художественном дискурсе Б. Леберта // Вестник ИГЛУ. 2013. № 2 (23). С. 109—113.
4. Шарманова О. С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1. С. 194—200.
5. Buchanan P. State of Emergency. The Third World Invasion and Conquest of America. New York: St. Martin's Griffin, 2007.
6. Denroche Ch. Text metaphonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse // Metaphor and the Social World. 2018. Vol. 8, is. 1. P. 1—24 DOI: <https://doi.org/10/111075/msw.16011.den>
7. Cameron L. J., Stelma H. Metaphor clusters in discourse // Journal of Applied linguistics. 2004. Vol. 1, iss. 2. P. 107—136.
8. Figar V., M. Antovic Metaphor clusters in the New York times press reports of the 2012 presidential elections in the US // Jezik, kniževnost, diskurs: conference papers. Univerzitet u Niš. 2014. P. 233—258. URL: www.researchgate.net/publication/275465143.
9. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. 2003. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 349—377.
10. Hilper M. Chained metonymies in lexicon and grammar: A cross-linguistic perspective on body part terms // Aspects of meaning and construction. 2007. № 136. P. 77—98. URL: <https://doi.org/10.1075/z.136.07hil>
11. Kissinger H. World Order. New York: Penguin press, 2014.
12. Koller V. Metaphor clusters, metaphor chains: Analyzing the multifunctionality of metaphor in text // Metaphoric.de. 2003. № 5. P. 115—134.
13. Nerlich B., Clarke D. Serial metonymy: a study of reference-based polysemisation // Journal of historical pragmatics. 2001. Vol. 2, iss. 2. P. 245—272
14. Oxford Dictionary of English. New York: Oxford University Press, 2019. URL: www.oed.com.
15. Reddy M. The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language // Metaphor and thought. 1979. Cambridge: Cambridge University press. P. 164—201.

Сведения об авторе

Ковязина Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Пермский институт (филиал) Российского государственного экономического университета им. Г. В. Плеханова. Пермь, Россия. kov_el@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 81—86.

THE ROLE OF COMPLEX METAPHOR AND METONYMY STRUCTURES IN VERBAL REPRESENTATION OF ANTINOMIC POLITICAL CONCEPTS

E. N. Kovyazina

Perm Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Perm. Russia.kov_el@list.ru

Recently cognitive linguists have shifted the focus of their attention from studying sole metonymies and metaphors to complex metaphor and metonymy structures in discourse. Our investigation is aimed at identifying the role performed by complex metaphor and metonymy structures in verbal representation of antinomic concepts “world order” and “state of emergency” in political discourse. Both concepts are determined to be semantically antagonistic towards each other. They are categorized and conceptualized via different forms of complex metaphor and metonymy thinking. We found that complex structures are productive in verbal representation of complicated abstract concepts in political discourse. Horizontal metonymic chains conceptualize the “world order” concept forming several national-specific models of world order. The “state of emergency” concept is revealed to be represented by metaphonymies — complicated vertical conceptual superstructures with dominant members framing the conceptual unity and subordinate ones.

Keywords: *metonymic chains, metaphonymy, political discourse.*

References

1. Paducheva E. V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, Yaziki slavyanskoy kul'turi. 608 p. [in Russ.].
2. Remyannikova D. O., Mishlanova S. L. (2018) *Kontseptual'noye smesheniye metafori i metonimiyi* [Conceptual mixing of metaphor and metonymy]. *Aktual'niye problemi izucheniya inostrannikh yazikov i literatur: sbornik statey molodikh uchyonikh* [Actual issues of foreign languages and literature learning: collection of papers]. Perm, Perm State University Publ. Pp. 274—279 [in Russ.].
3. Trunina E. A. (2013) *Vestnik IGLU*, no. 2 (23), pp. 109—113 [in Russ.].
4. Sharmanova O. S. (2011) *Vestnik IGLU* [Herald of ISLU], no. 1, pp. 194—200 [in Russ.].
5. Buchanan P. (2007) *State of Emergency. The Third World Invasion and Conquest of America*. New York, St. Martin's Griffin. 320 p.
6. Denroche Ch. (2018) *Metaphor and the Social World*, vol. 8 (1), pp. 1—24.
7. Cameron L. J., Stelma H. (2004) *Journal of Applied linguistics*, vol. 1 (2), pp. 107—136.
8. Figar V., Antovic M. (2014) *Metaphor clusters in the New York times press reports of the 2012 presidential elections in the US. Language, literature, discourse: collection of papers*, April, University of Nis. Pp. 233—258. Available at: <http://www.researchgate.net/publication/275465143>.
9. Goossens L. (2003) *Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, Mouton de Gruyter. Pp. 349—377.
10. Hilpert M. (2007) *Aspects of meaning and construction*, no. 136, pp. 77—98. Available at: <https://doi.org/10.1075/z.136.07hil>.
11. Kissinger H. (2014) *World Order*. New York, Penguin press. 432 p.
12. Koller V. (2003) *Metaphoric.de*, no. 5, pp. 115—134.
13. Nerlich B. (2001) *Journal of historical pragmatics*, 2 (2), pp. 245—272.
14. (2020) *Oxford Dictionary of English*. New York, Oxford University Press. Available at: <http://www.oed.com>.
15. Reddy M. (1979) *The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language. Metaphor and thought*, Cambridge, Cambridge University press. Pp. 164—201.